

★ А Л Е К С Е Й ★

ТАУРАТ

КАЛУГИН

КРЫСА

*ВСЕ ПОД
КОНТРОЛЕМ*

Все под контролем

Алексей Калугин
**Дело об архиве
Уильяма Шекспира**

«ЭКСМО»

2002

Калугин А. А.

Дело об архиве Уильяма Шекспира / А. А. Калугин — «Эксмо»,
2002 — (Все под контролем)

Трудна и опасна работа сотрудников Департамента контроля за временем!
Но зато на их долю регулярно выпадает высокая честь раскрытия самых
головоломных загадок истории...

© Калугин А. А., 2002

© Эксмо, 2002

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	11
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Алексей Калугин

Дело об архиве Уильяма Шекспира

Глава 1

Такси остановилось, выпав из нескончаемого транспортного потока, непрерывной волной движущегося в направлении, которое, казалось, было определено раз и навсегда еще при сотворении мира. Красочная иллюминация габаритных огней обозначила местоположение неисправной машины, превратившейся в крошечный островок статики посреди бесконечного движения.

– Приносим вам свои извинения за доставленные неудобства, – сообщил пассажиру голос автодиспетчера. – К сожалению, машина, которой вы воспользовались, вышла из строя. Причина неисправности пока не установлена. К вам выслана новая машина, которая прибудет на место через три с половиной минуты. Поскольку задержка произошла по нашей вине, плата за проезд будет снижена на тридцать три и три десятых процента. Еще раз примите наши самые искренние извинения. Благодарим вас за то, что вы воспользовались услугами транспортной компании «Такси-Люк». От всей души желаем вам счастливого дня.

Инспектор Шелуденко с досадой откинулся на спинку мягкого сиденья. День начинался исключительно неудачно.

Новое такси прибыло точно в назначенный срок. Аккуратно припарковавшись в отведенном для этого месте рядом с пешеходной зоной, такси зажгло синий сигнальный огонек, извещающий о том, что оно ожидает пассажира. Проблема заключалась лишь в том, что движение вокруг было слишком интенсивным. Шелуденко, появившись даже у него желание поиграть с судьбой в пятнашки, все равно не смог бы выйти из забастовавшей машины, чтобы пересест в ту, которую прислали ей взамен.

Аварийный тягач появился через десять минут. По счастью, управлял им человек. Остановив свою громадину перед неисправным такси, в котором сидел изнывающий от жары инспектор, ремонтник через люк выбрался на крышу тягача, ловко перепрыгнул на крышу такси и так же через люк забрался в кабину.

– Как дела, приятель? – сверкнув белозубой улыбкой кинозвезды, поинтересовался он у инспектора.

Шелуденко промолчал, полагая, что ситуация в комментариях не нуждается.

На откровенно недружелюбное молчание ремонтник отреагировал абсолютно спокойно. Негромко насвистывая какой-то простенький мотивчик, он достал из накладного нагрудного кармана автоматический тестер и подключил его к соответствующему разъему на рабочей панели такси. Продолжая насвистывать, он заложил руки за голову и улегся на спинку сиденья.

Спустя пять минут Шелуденко нетерпеливо кашлянул в кулак.

– В чем дело, приятель? – глянул на него через плечо ремонтник.

– Я опаздываю на работу, – объяснил инспектор.

Ремонтник безразлично пожал плечами.

– Не могли бы вы помочь мне добраться до пешеходной зоны? – спросил после непродолжительной паузы Шелуденко.

– Каким образом? – ремонтник, похоже, был удивлен совершенно искренне.

– У вас же есть машина, – Шелуденко взглядом указал на стоявший впереди тягач.

– Извини, приятель, не могу, – с сожалением качнул головой ремонтник. – Сначала я должен закончить тестирование системы управления этой развалюхи и решить, что с ней делать.

– А какие имеются варианты? – поинтересовался Шелуденко.

– Если окажется, что машине необходим ремонт, после которого она еще сможет побегать, я отбуксирую ее на стоянку. Ну а если выяснится, что место ей только на свалке, то вызову грузовой вертолет, который и доставит ее туда.

– И сколько еще ждать?

Ремонтник подался вперед, чтобы взглянуть на табло тестера.

– Еще пару минут, – сообщил он, вновь сверкнув жемчужной улыбкой.

Шелуденко протяжно вздохнул.

Дождавшись окончания проверки автоматических систем такси, ремонтник отключил тестер от панели. Быстро просмотрев выведенные на дисплей данные, он вынес окончательное решение:

– В утиль!

Включив радиомаяк для вертолета, которому предстояло доставить отслужившую свой век машину на свалку, ремонтник выбрался на крышу такси и прежним путем перебрался на тягач.

– Помочь? – оглянувшись, спросил он у Шелуденко.

Инспектор молча передал ремонтнику кейс с документами, после чего самостоятельно перепрыгнул на крышу тягача.

Оказавшись в кабине, ремонтник включил стандартную программу управления, и машина, удачно вписавшись в транспортный поток, понеслась вперед.

– Где вы меня высадите? – оглянувшись назад, Шелуденко отыскал взглядом быстро удаляющийся синий огонек ожидавшего его такси.

– Это уж как получится, приятель, – ответил ремонтник. – Сам видишь, какое движение... Тебе куда нужно-то?

– В Департамент контроля за временем.

Ремонтник с интересом посмотрел на инспектора, но голова его при этом все равно отрицательно качнулась из стороны в сторону.

– Не, мне не по пути.

– Тогда высадите меня у пешеходной зоны! – теряя терпение, потребовал Шелуденко. – В конце концов, я не виноват в том, что ваше такси сломалось!

– Во-первых, такси не мое, – спокойно возразил ему ремонтник. – Во-вторых, я тоже не виноват в том, что оно сломалось. В-третьих, я высажу вас, как только удастся припарковаться возле пешеходной зоны.

Давая понять, что на этом разговор окончен, обидевшийся ремонтник отвернулся к окну и вновь что-то засвистел.

Шелуденко обхватил обеими руками стоявший на коленях кейс и мрачно уставился вперед.

Место для парковки удалось найти минут через десять. Ремонтник высадил инспектора и, даже не кивнув на прощание, укатил на своем тягаче.

Возвращаться назад, к тому месту, где его ожидало такси, не имело смысла. Шелуденко достал из кармана телефон, вызвал новую машину и приготовился ждать.

Глава 2

Рабочий день инспектора Шелуденко был нелимитированным, но компьютер Департамента все равно считал нужным обратить его внимание на задержку. Выполнив фискальную функцию, компьютер, судя по всему, решил, что уже достаточно потрудился, и благополучно «завис». Шелуденко потратил полчаса, пытаясь убрать с дисплея обличающую его надпись «Вы опоздали на 1 час 12 минут!», – но, так и не добившись успеха, был вынужден вызвать дежурного программиста.

Специалист легко справился с задачей. Покидая кабинет инспектора, он даже не пытался скрыть насмешливую ухмылку. Шелуденко так и не понял, что именно развеселило программиста: полнейшая беспомощность инспектора перед электронной начинкой компьютера или же надпись, которую требовалось убрать с дисплея.

Инспектор Шелуденко почувствовал, что готов взорваться. Не хватало самой малости.

То ли ему это казалось, то ли в кабинете и в самом деле было невыносимо жарко и душно, только лоб Шелуденко покрылся испариной. Инспектор дотянулся до лежавшего на дальнем краю стола пульта дистанционного управления и нажал кнопку, включающую климатизатор. Система искусственного климата, запрограммированная на оптимальные параметры, включиться не пожелала.

Инспектор поставил на колени кейс с документами, которые взял вчера домой, собираясь просмотреть перед сном. Сунув руку в карман, он выяснил, что забыл дома магнитный ключ от кейса.

Шелуденко медленно, стараясь не делать резких движений, поставил кейс на пол и положил руки на стол.

– Все в порядке, – тихо произнес он, обращаясь к самому себе. – У каждого бывают неудачные дни.

Прозвучало это как-то очень уж неубедительно.

В дверь громко и требовательно постучали.

Все двери в Департаменте были снабжены зуммерами с богатым выбором звуковых сигналов, от простого попискивания до развернутого фрагмента из «Фуникули-фуникуля». Но практически никто ими не пользовался, предпочитая просто стучать в дверь. Должно быть, причина крылась в том, что даже самый красивый дверной зуммер остается скучным и безличностным, в то время, как стук в дверь зачастую превосходно передает эмоциональное состояние того, кто стоит за дверью.

– Войдите, – упавшим голосом произнес Шелуденко.

Стук в дверь, который он услышал, не предвещал ничего хорошего. А что, собственно, можно было ожидать после столь впечатляющего начала дня?

Глава 3

Приоткрыв дверь, в кабинет заглянул дежурный инспектор Тейлор. Шелуденко уже видел его сегодня, рысцой пробегая через холл и приемную.

– Плохо выглядишь, – вместо приветствия сообщил Шелуденко Тейлор.

Шелуденко поднялся из кресла, чтобы снять пиджак. Когда он начал вытягивать руку, шов на рукаве разошелся.

– Что еще скажешь? – мрачно глянув на незваного гостя, Шелуденко кинул пиджак на вешалку.

– У меня для тебя клиент, – усмехнулся Тейлор.

И усмешка была нехорошая – ехидная.

Шелуденко молча уселся за стол.

Сунув под мышку стопку бумаг, которую он держал в руке, Тейлор сдвинул в сторону папки с подшитыми в них документами и уселся на углу стола с таким видом, словно это было его законное место.

– Тебя, часом, не интересует, кто писал за Шекспира его пьесы? – непринужденно поинтересовался он.

Шелуденко полуприкрыл глаза и, наклонив голову, приложил пальцы к вискам.

– Еще один теоретик, – с болью в голосе простонал он.

– Если бы, – усмехнулся Тейлор. – Практик.

Чуть повернув голову, Шелуденко глянул на Тейлора краем глаза. Не то, чтобы его заинтересовали слова дежурного инспектора, но все же подобное заявление несколько выходило за рамки обыденности. Являясь главным экспертом Отдела искусств в области шекспироведения, Шелуденко за последние десять лет повидал столько знатоков творчества великого драматурга, сумевших установить подлинное имя того, кто творил, скрываясь за псевдонимом Уильям Шекспир, и выслушал столько бредовых теорий и версий, что с полным на то основанием полагал, что удивить его чем-то новым уже невозможно.

– Практик – это в каком смысле? – осторожно спросил Шелуденко.

– Тип, который сидит сейчас у меня в дежурке, утверждает, что он лично написал за Шекспира все его пьесы. – Тейлор взял со стола степлер, покрутил его в руке, пару раз щелкнул и кинул на место.

– И чего он хочет? – спросил Шелуденко.

– Хочет, чтобы я оформил ему явку с повинной, – усмехнулся Тейлор.

– Лучше вызови санитаров, – посоветовал Шелуденко. – У бедолаги, видимо, не все дома.

– Так-то оно так, – согласно кивнул Тейлор. – Да только я подумал, может быть, ты все же потолкуешь с ним. Объяснишь, что к чему. Пусть убирается себе, откуда пришел, – Тейлор недовольно поморщился. – Зачем мне эксцессы во время дежурства?

– А чего ради мне выслушивать откровения еще одного психа? – возмущенно всплеснул руками Шелуденко.

– Ну, может быть, он не совсем псих, – не очень уверенно предположил Тейлор.

Шелуденко скривил презрительную гримасу.

– У тебя есть какие-то основания так думать?

– Не знаю, – Тейлор взвесил на руке плотную стопку грубой желтой бумаги, прошитую в трех местах толстой дратвой, и кинул ее на стол перед Шелуденко. – Сам посмотри.

Шелуденко перевернул стопку листов, легшую на стол сверху ногами. Это была рукопись, выполненная темно-фиолетовыми чернилами. Лист, подшитый сверху, был испещрен крупными, неровными буквами, складывающимися в кривые, загибающиеся концами вниз строки. Судя по особенностям графики и обилию помарок, при написании ее было использовано не

очень хорошее перо. Скорее всего, не металлическое, а настоящее – воронье или гусиное. Текст был на староанглийском, написанный малоразборчивым, так называемым «секретарским» почерком, с едва различимыми признаками «итальянского», который в конце шестнадцатого – начале семнадцатого века только начал входить в употребление на территории Англии. Документ можно было отнести к концу эпохи королевы Елизаветы или же к самому началу периода царствования короля Якова I. Хотя с той же степенью вероятности рукопись могла оказаться искусной фальшивкой, состряпанной в настоящее время.

В последнем убеждала заглавная надпись, сделанная по самому верху первого листа крупными, чуть угловатыми буквами. А написано там было следующее:

«КАРДЕНИО.

Сочинение Уильяма Шекспира».

Далее читать не имело смысла.

Шелуденко быстро пролистал прошитую стопку, отметив, что все листы в ней были исписаны одной и той же рукой.

Захлопнув рукопись, инспектор припечатал ее сверху ладонью.

– Ну, и как тебе это? – поинтересовался Тейлор.

Вместо того чтобы ответить, Шелуденко задал встречный вопрос:

– Откуда у тебя эти бумаги?

– Я же тебе уже сказал, – Тейлор попытался носком ботинка подцепить электрический шнур, тянувшийся от стены к столу, – у меня в дежурке сидит тип, заявляющий, что это он написал все пьесы Шекспира. Хочет сделать чистосердечное признание...

– Рукопись принес он? – перебил, не дослушав, Шелуденко.

– Ну, да, – кивнул Тейлор.

– И чего ты хочешь от меня?

– Чтобы ты с ним разобрался.

– С ним должен разбираться не я, а психиатр, – Шелуденко оттолкнул на край стола лежавшую перед ним стопку бумаг. – Текст пьесы Шекспира «Карденио» не сохранился. И тот, кто утверждает обратное, либо жулик, либо не в своем уме.

– Ну, это тебе известно, – с обидой развел руками Тейлор.

– Это известно каждому образованному человеку, – внес необходимое уточнение Шелуденко.

Тейлор обиженно засопел.

– И что мне с ним делать?

– С кем? – сделал вид, что не понял, Шелуденко.

– С тем типом, что принес эти бумаги, – злобный взгляд Тейлора едва не воспламенил прошитую дратвой рукопись, как будто именно в ней заключался источник всех его бед.

– Это уж твоя забота, – безразлично усмехнулся Шелуденко. – Мне он точно не нужен.

– Слушай, Игорек, – оперевшись руками о край стола, Тейлор подался вперед и проникновенно глянул Шелуденко в глаза. – Может быть, ты все же побеседуешь с ним? На вид он мужик неглупый... – Пару секунд подумав, Тейлор все же несколько изменил формулировку: – Ну, во всяком случае, не полный идиот. Глядишь, после разговора с тобой и образумится...

– Нет! – решительно хлопнул ладонью по столу Шелуденко. – У меня и без того дел хватает.

Он подхватил стоявший рядом с креслом кейс, чтобы демонстративно выложить на стол пачку документов, но, вспомнив, что ключа от кейса нет, чертыхнулся и снова поставил его на пол.

Потерпев неудачу с уговорами, Тейлор выпрямился во весь свой немалый рост и неожиданно энергично взмахнул руками.

– А к кому я, спрашивается, должен вести типа, заявляющего, что он лучший друг Шекспира? Может быть, сразу к Барцису?

Упоминание всуе имени генерального инспектора Отдела искусств считалось в Департаменте дурным предзнаменованием. И Тейлору об этом было превосходно известно.

Дабы не усугублять положения, Шелуденко поспешил сменить гнев на милость.

– Ладно, – обреченно махнул он рукой. – Давай сюда твоего шекспироведа.

– Я так и знал, что ты согласишься, – тут же заулыбался Тейлор. – Я всегда всем говорю: Игорек у нас человек добрейшей души.

Шелуденко недовольно поморщился.

Глава 4

Мужчина, появившийся в кабинете инспектора Шелуденко спустя пару минут, был невысокого роста, щуплый, с вытянутой, по форме похожей на редьку головой. Морщинистое лицо отнюдь не украшали близко посаженные маленькие глаза с узким разрезом век и крошечный нос. Длинные серые волосы с густой сединой были зачесаны назад, открывая глубокие залысины на висках. И совсем уж комично смотрелись небольшая бородка и широкие, не очень удачно подкрашенные усы. Одет незнакомец был в легкие летние брюки бледно-голубого цвета и розовую тенниску с серебристым парусником на кармане. На ногах – зеленые пластиковые шлепанцы со множеством отверстий. В руках человек держал небольшой плоский кейс – точь-в-точь такой же, как у Шелуденко.

– Мое имя – Вальдемар Хвостов! – громко объявил визитер, едва переступив порог. Глубоко вздохнув, он добавил: – Я пришел, чтобы сделать чистосердечное признание! Я виновен в том, что начиная с 1589 года...

Инспектор чуть приподнял руку с открытой ладонью, предлагая посетителю сделать паузу.

Хвостов удивленно умолк.

Шелуденко указал на кресло, стоявшее по другую сторону стола.

– Присаживайтесь.

После короткой заминки Хвостов нервно кивнул.

– Благодарю вас, – и сел на предложенное ему место.

Кейс он сначала поставил к себе на колени. Но в следующую секунду переставил его на пол, по левую руку от себя. На вид Хвостову можно было дать лет сто. Но если предположить, что он ни разу в жизни не прибегал к услугам нейропластики и энзимотерапии, то ему исполнилось лет шестьдесят или около того. Именно так выглядел шестидесятилетний человек в двадцатом веке. Или в семнадцатом.

– Я хочу сделать официальное заявление, – произнес он чуть тише, чем с порога.

Наклонив голову к плечу, инспектор с любопытством посмотрел на странного визитера.

– Так все же признание или заявление? – спросил он.

Хвостов смутился. Но всего лишь на секунду.

– Я хочу сделать признание в форме заявления!

– Чудесенько, – устало улыбнулся Шелуденко. – В таком случае вы, наверное, не станете возражать, если я включу запись.

Не дожидаясь ответа, инспектор нажал кнопку встроенного в угол стола диктофона.

– Я могу начинать? – быстро слотнув, спросил Хвостов.

– Для начала расскажите мне, что это такое? – инспектор пододвинул Хвостову прощитую дратвой стопку бумаг, которую оставил Тейлор.

– Это рукопись Уильяма Шекспира, – ничтоже сумняшеся объявил Хвостов. – Пьеса «Карденио», считавшаяся прежде утраченной.

– Ага, – с пониманием наклонил голову Шелуденко. – Пьеса, приписываемая Шекспиру, которую на самом деле написали вы?

– Нет! – протестующе взмахнул рукой Хвостов. – Как я мог ее написать, если она не включена ни в одно из известных изданий Шекспира? Это как раз единственная пьеса, которую Уильям написал самостоятельно.

– А остальные – вы?

Хвостов вновь ненадолго замялся, после чего ответил весьма туманно:

– Я принимал в этом участие.

– Понятно, – с невозмутимым видом кивнул Шелуденко.

Инспектор повидал уже столько претендентов на роль автора шекспировских пьес, что появление еще одного не могло серьезно поколебать систему жизненных ценностей, которую он успел для себя выработать. К тому же Вальдемар Хвостов вел себя в высшей степени корректно и скромно, поскольку напрашивался всего лишь в соавторы к Шекспиру. И даже, более того, готов был признать за ним авторское право на одну из пьес. Правда, лишь той, которая никогда прежде не публиковалась по причине того, что ни одному издателю не удалось отыскать ее текст.

– Значит, это, – Шелуденко указал пальцем на стопку бумаги, принадлежавшую Хвостову, – рукопись Шекспира?

– Совершенно верно, – утвердительно наклонил голову Хвостов.

– Пьеса, написанная им собственноручно? – уточнил на всякий случай инспектор.

– Конечно! – Хвостов как будто даже удивился тому, что инспектор задает так много бессмысленных вопросов. – Если вы откроете последнюю страницу, то сможете увидеть там подпись Шекспира.

Шелуденко последовал совету визитера и в самом деле обнаружил в самом низу последнего листа рукописи подпись, сделанную той же рукой, которой был написан и сам текст.

– Если вы сличите этот автограф с известной подписью Шекспира на его завещании, то сможете убедиться в том, что они идентичны, – продолжал между тем Хвостов.

– Ни секунды в этом не сомневаюсь, – серьезно посмотрел на Хвостова инспектор. – А что, если провести графологическую экспертизу?

Хвостов безразлично пожал плечами, – мол, делайте то, что считаете нужным.

– Откуда у вас эта рукопись? – спросил инспектор, уставившись на визитера взглядом строгого классного наставника.

– От Шекспира, конечно же, – выражение лица Хвостова говорило о том, что он не понимает, почему инспектор вообще спрашивает его об этом, – и без того должно быть понятно, что рукопись неизвестной пьесы Шекспира можно было получить только из рук того, кто сам ее написал.

– Вам известно, что не сохранилось вообще ни одной рукописи Шекспира? – спросил Шелуденко у гостя.

– Конечно, – кивнул тот. – И я могу объяснить вам, почему так произошло.

– И почему же?

– Потому что я все их продал.

Шелуденко в недоумении откинулся на спину кресла. Ситуация, которая вначале казалась ему простой, как первый трактор, становилась все более запутанной.

– То есть как это продал?

– Нелегально, конечно же, – ответил на вопрос инспектора Хвостов. – Возможно, я получал за рукописи меньше того, что они стоят в действительности. Но вырученных денег мне хватало.

– Хватало на что?

– На то, чтобы помочь Шекспиру написать его пьесы.

– Так, – Шелуденко положил руки ладонями на стол.

Посидев какое-то время в этой позе, он взял со стола пульт и нажал кнопку включения климатизатора, – в кабинете становилось просто невыносимо жарко. Не услышав знакомого тихого жужжания, Шелуденко вспомнил, что климатизатор не работает, и в сердцах кинул пульт на полку с архивными мемори-чипами.

– Вы, надеюсь, знакомы с теорией временной спирали? – на всякий случай спросил он у Хвостова.

– Конечно, – ответил тот.

– Надеюсь, вам также известно, что нынешний год нашего витка временной спирали сопряжен с 1617 годом. Шекспир же, как мы оба знаем, умер в 1616-м, то есть год назад в витке сопряженного времени.

– И что же? – не понял Хвостов.

– Все дело в том, господин Хвостов, что Отдел искусств Департамента контроля за временем приложил максимум усилий к тому, чтобы наконец поставить точку в так называемом «шекспировском вопросе». Мы отследили всю жизнь Уильяма Шекспира. И поскольку именно я возглавлял работу шекспировской секции, то могу с полной ответственностью заверить вас в том, что Шекспир писал свои пьесы сам, без чьей-либо помощи!

Шелуденко чувствовал, что, помимо собственной воли, начинает заводиться, теряя контроль над эмоциями. Ему и прежде приходилось вести разъяснительные беседы с воинствующими дилетантами, считающими себя непревзойденными знатоками творчества великого британца. Но почему-то искатель несуществующей истины, которого он видел перед собой в данный момент, – аккуратно сложив руки на коленях, Хвостов внимательно слушал инспектора, – вызывал у Шелуденко не просто раздражение, а желание немедленно выставить его за дверь. Желание было устойчивым и лишь крепло по мере того, как Шелуденко излагал элементарные основы шекспироведения, видя при этом только блеклые, невыразительные глаза человека, чье разочарование во всем сущем, казалось, не имело себе равного. Быть может, виной всему был крайне неудачно начавшийся день. Или удушающая июльская жара и сломавшийся так не вовремя климатизатор, – в кабинете просто нечем было дышать, и если бы не назойливый посетитель, то Шелуденко давно бы уже снял давящий на шею галстук и расстегнул на рубашке три-четыре верхние пуговицы. Продолжая говорить, инспектор все время повышал голос, и к концу он находился уже на предельной границе диапазона, за которым простирается зона, именуемая истерическим криком.

– Ни Кристофер Марло, ни граф Рэтланд, ни Фрэнсис Бэкон, ни Роберт Сесил, ни святые отцы иезуиты и даже ни сама Елизавета Тюдор, – никто из вышеназванных людей, включая еще порядка сотни имен, в совокупности с теми, которые, как я думаю, вы тоже готовы назвать, не имеют никакого отношения к творчеству Шекспира! Все пьесы Шекспира написаны самим Уильямом Шекспиром, сыном перчаточника из Стратфорда-на-Эйвоне, городка, в котором говорили на диалекте, распространенном в графстве Уорвик, причем этот диалект с трудом понимали в других районах Англии, человеком, не знавшим ни одного иностранного языка и никуда дальше Лондона не ездившим. Быть может, в это трудно поверить, но именно так все и было!

Подождав какое-то время, чтобы убедиться в том, что инспектор закончил свою речь, Хвостов невозмутимым голосом произнес:

– Абсолютно с вами согласен.

Шелуденко непонимающе развел руками.

– Тогда в чем проблема?

– В том, что рукопись «Карденио», – Хвостов осторожно передвинул лежавшую на столе стопку бумаг поближе к инспектору, – подлинная. Она написана рукой Уильяма Шекспира. Я сохранил ее как доказательство того, что история, в которой я оказался замешан, не досужий вымысел.

Инспектор устало откинулся на спинку кресла. Сунув указательный палец за воротник, он попытался оттянуть его. Но виндзорский узел галстука был затянут слишком туго.

– В таком случае скажите мне, пожалуйста, почему до сего дня пьеса «Карденио» считалась утерянной?

Хвостов чуть приоткрыл рот и подался вперед, готовый немедленно дать ответ на заданный ему вопрос, но Шелуденко успел сделать предупреждающий жест рукой.

– Советую вам, отвечая на мой вопрос, – произнес он голосом следователя, сумевшего разорвать паутину лжи, которую пытался сплести вокруг него коварный злоумышленник, – помнить о том, что ни один агент из группы наших наблюдателей, работавших в Англии начала XVII века, не смог засвидетельствовать ни единого, – Шелуденко патетически воздел к потолку руку с вытянутым указательным пальцем, – я повторяю, – ни единого случая представления пьесы «Карденио» какой-либо из многочисленных театральных трупп того времени. Хотя она и стояла в репертуаре «Комедиантов короля» как пьеса, написанная совместно Шекспиром и Флетчером.

– Естественно, – тут же кивнул Хвостов. – Каким образом они могли поставить эту пьесу, если единственный ее экземпляр находился у меня? – Хвостов как бы в недоумении развел руками.

Инспектор решил сделать вид, что принимает игру, которую предлагал ему гость.

– Выходит, что рукопись пьесы попала к вам, – он направил на Вальдемара Хвостова два сложенных вместе пальца, указательный и средний, – прежде чем с нее была сделана хотя бы одна копия?

– Именно так, – Хвостов коротким кивком подтвердил высказанное инспектором предположение.

И улыбнулся, – похоже, он был рад, что инспектор наконец-то начал понимать, о чем идет речь.

– А, простите, чего ради вы это сделали? – прищурившись, со скрытой насмешкой посмотрел на Хвостова инспектор. – Почему вы утаили единственную рукопись одной из последних пьес Шекспира от театральной общественности XVII века? Могли хотя бы копию им оставить. Если бы пьеса была поставлена на сцене, это только подняло бы стоимость имеющейся у вас оригинальной рукописи.

– «Карденио» нет ни в одном из собраний сочинений Шекспира, – ответил гость.

– И что с того? – не понял Шелуденко.

Хвостов посмотрел на инспектора так, словно подозревал, что он над ним подтрунивает.

– Вы представляете, какая началась бы неразбериха, если бы рукопись «Карденио» попала в руки к тем же Хеминджу и Конделлу?

– Первое собрание сочинений Шекспира стало бы более полным, – усмехнулся Шелуденко. – Не вижу в этом ничего страшного.

– И это говорит инспектор Департамента контроля за временем! – с праведным негодованием глянул на собеседника Хвостов. – Интересно, какова бы была реакция шекспироведа, живущего в любом из столетий, когда о путешествиях во времени можно было прочесть разве что в фантастическом романе, если бы вдруг однажды, взяв с полки последний том собрания сочинений Шекспира, он обнаружил в нем ранее неизвестную пьесу?

Шелуденко не был расположен рассуждать о временных парадоксах и возможных последствиях изменений, привнесенных в прошлое гостями из будущего. До сих пор ни одного реального хроноклазма зафиксировано не было, в связи с чем данная область по сей день оставалась в ведении теоретиков, которые, как полагал Шелуденко, сами весьма смутно представляли, к чему может привести спонтанное наложение будущего на прошлое. Хотя, с другой стороны, если бы в прошлом что-то изменилось, то в настоящем этого, скорее всего, никто бы даже не заметил, – для людей XXII века все, что произошло до их появления на свет, являлось уже историей в законченном, определенном и строго систематизированном виде, а не субстратом для поливариантного будущего.

– Какие у вас имеются доказательства того, что эта рукопись, – Шелуденко постучал пальцем по краю прошитой стопки бумаги, лежавшей перед ним на столе, – подлинная?

На лице Хвостова отразилось истинное недоумение.

– А какие вам еще требуются доказательства? – руки гостя плавно разошлись в стороны. – Я пришел к вам сам, чтобы сделать чистосердечное признание.

Губы инспектора едва заметно изогнулись, наметив ироничную ухмылку.

– Это я уже слышал.

– Ну так в чем же дело? – еще шире развел руки в стороны Хвостов.

– Простите, а каких действий вы от меня ожидаете?

Вопрос инспектора озадачил Хвостова.

– Но ведь вы инспектор Департамента контроля за временем, – он посмотрел на Шелуденку так, словно у него вдруг возникло сомнение в том, что он попал именно туда, куда ему было нужно. – Вы – представитель закона. Следовательно, вам должно быть известно, как поступать с такими, как я.

– Если вы имеете в виду рукопись «Карденио», которую вы якобы выкрали у Шекспира, то для начала нужно убедиться в том, что она подлинная.

– Во-первых, я не крал рукопись, а получил ее вполне законным путем.

– Уточните, как именно.

Хвостов гордо вскинул острый подбородок, украшенный маленькой бородкой.

– Шекспир подарил мне ее!

– Шекспир?

Хвостов уронил подбородок на грудь и озадаченно посмотрел на инспектора.

Шелуденко показалось, что в этот момент он заметил в глазах визитера сомнение. И это был хороший признак.

– Так, значит, рукопись «Карденио» вам подарил Шекспир? – поспешил закрепить свой успех Шелуденко. – Уильям Шекспир?

– Ну, да, – как-то не очень уверенно кивнул Хвостов.

– А как насчет остальных рукописей?

– Я ведь уже говорил, что продал их!

– Ну, да, конечно! – Шелуденко с досадой хлопнул себя по лбу.

Хвостов чуть повернул голову. Во взгляде его явственно читалось сомнение. И теперь можно было понять, что это было сомнение по поводу умственных способностей инспектора, с которым ему приходилось вести диалог.

Шелуденко этот взгляд не понравился.

– Хорошо, – подавшись вперед, он положил руки на стол. – Давайте серьезно и начистоту. Чего вы хотите?

Хвостов растерянно хлопнул глазами.

– Я пришел, чтобы отдать себя в руки правосудия.

– Отлично, – Шелуденко ладонью припечатал рукопись «Карденио» к столу. – В таком случае я передаю рукопись на экспертизу. Это займет несколько часов. За это время вы можете рассказать мне всю свою историю, с самого начала. Согласны?

– Конечно, – Хвостов кивнул так поспешно, словно боялся, что инспектор внезапно изменит свое решение.

Шелуденко щелкнул ногтем по пьезо-кнопке интеркома.

– Слушаю! – в ту же секунду ответил ему низкий женский голос.

– Элис, – произнес, глядя в потолок, Шелуденко. – У меня для тебя есть работа.

– Серьезная? – поинтересовалась женщина.

– Рукопись, предположительно относящаяся к началу XVII века.

– Очередной автограф Шекспира? – в голосе женщины прозвучала откровенная насмешка.

– Если ты убедишь меня в том, что это подделка, я буду тебе только благодарен, – ответил инспектор.

– Хорошо, пришло практиканта.

– Спасибо, Элис, – инспектор нажал кнопку отбоя. – Может быть, у вас есть что-нибудь еще, что следовало бы передать на экспертизу? – обратился он к гостю.

– У меня имеется первое издание поэмы «Венера и Адонис» с дарственной надписью Шекспира. Но я очень дорожу им, а потому оставил дома.

– Жаль, – насмешливо улыбнулся инспектор.

Хвостов посмотрел на стоявший рядом с креслом кейс.

– С собой у меня первое издание сонетов «ин-кватро». Но вам, должно быть, известна эта книга.

– Если это издание Джорджа Элда 1609 года, – усмехнулся Шелуденко, – то я могу подарить вам один из имеющихся у меня экземпляров.

Хвостова задела не столько слова инспектора, сколько тон, каким они были произнесены.

– В таком случае, – сказал он, – можете взять один из своих экземпляров и прочитать имеющееся в книге посвящение.

– Я помню его наизусть, – все так же насмешливо ответил инспектор.

– А я хочу, чтобы вы еще раз на него взглянули!

Наклонившись, Хвостов быстро провел магнитным ключом по замку, открыл кейс и достал из него небольшую книжечку.

– Вот! – торжественно возложил он книгу на стол.

Как Шелуденко и ожидал, издание было ему знакомо. На титульном листе значилось:

«Сонеты Шекспира. Никогда ранее не издававшиеся.

В Лондоне. Д.Элд для Т.Т. Будут продаваться Уильямом Эспли. 1609».

Книжка выглядела совсем как новая, но, судя по качеству бумаги и печати, она, скорее всего, действительно была отпечатана в 1609 году.

– Это даже на контрабанду не тянет, – разочарованно покачал головой инспектор. – В свое время мы выдавали туристам разрешение на покупку в прошлом этого издания. Разумеется, в строго ограниченных количествах.

– Посмотрите на посвящение!

Возмущенный медлительностью инспектора, Хвостов сам перевернул страницу и ткнул пальцем в нужную строку.

– «Единственному вдохновителю следующих сонетов, мистеру Дабл-ю Эйч, всех благ, – вслух прочитал Шелуденко. – Все счастье и саму вечность, предсказанную нашим бессмертным поэтом, – благосклонному искателю приключений в момент отбытия. Т.Т.» – Закончив читать, он перевел взгляд со страницы книги на Хвостова. – Вы хотите сказать, что вам известно, кто такой этот таинственный «мистер Дабл-ю Эйч»?

– Во-первых, вы не совсем точно перевели текст со староанглийского, – тяжело и как-то даже обреченно вздохнул гость. – Следует читать не «единственному вдохновителю», а «исключительному подателю следующих сонетов». Ну а что касается инициалов, то «Дабл-ю Эйч» означает «Вальдемар Хвостов».

Шелуденко не успел никак отреагировать на сделанное замечание. Дверь кабинета без стука отворилась, и в помещение вошел присланный за рукописью практикант.

– А стучаться вас не учили? – недовольно глянул на парня с всклокоченной рыжей шевелюрой Шелуденко.

Парень словно и не услышал заданный ему вопрос.

– Я за рукописью, – с мрачным видом буркнул он. – Для экспертизы.

– А где контейнер? – поинтересовался инспектор.

– Да я так донесу, – махнул рукой практикант.

– Так донесу, – передразнил его инспектор. – А что, если это бесценнейшая рукопись?

Практикант скривил недовольную гримасу.

– Можно подумать, что вам ее доставили в стерильном контейнере.

Не вступая в дальнейшие дебаты, инспектор протянул практиканту рукопись. Парень взял стопку бумаг, прошитую дратвой, сунул ее под мышку и, не проронив ни слова, вышел за дверь.

Посмотрев на Хвостова, инспектор извиняющеся развел руками.

– Молодежь...

Хвостов с пониманием кивнул.

Шелуденко еще раз взглянул на страницу с посвящением лежавшей перед ним книги сонетов и решительно закрыл ее.

– Вот что, мистер Дабл-ю Эйч, рассказывайте-ка свою историю с самого начала.

Глава 5

Все началось очень давно, без малого двадцать восемь лет назад. Если вас интересует точная дата, то это было 27 апреля. Почему я так точно запомнил этот день? Да потому что это день моего рождения. В тот день мне исполнилось тридцать пять лет.

К своему тридцатипятилетию я подошел с весьма неплохим, как самому мне тогда казалось, заделом на дальнейшую жизнь. Я являлся научным сотрудником Академии литературоведения, специализирующимся в области литературы эпохи Ренессанса. У меня имелось около тридцати статей, опубликованных в сетевых журналах, и три монографии, также размещенных в инфо-сети. У специалистов мои работы вызывали интерес. Среди отзывов, естественно, встречались и критические, но, в процентном отношении, их было абсолютное меньшинство, появление которого вполне можно объяснить личной неприязнью. В довершение всего у меня была почти готова книга объемом в тридцать девять авторских листов с условным названием «Становление классической драматургии на рубеже XVI и XVII веков», которую планировалось издать в печатном варианте. Я заключил договор с издательством «Три Слона», которое, как вам должно быть известно, специализируется в области интеллектуальной литературы.

В личной жизни у меня тоже как будто все было в порядке. Я не был женат, но у меня имелась хорошая знакомая, с которой мы регулярно встречались. Это были ни к чему не обязывающие встречи, но, поскольку продолжались они на протяжении нескольких лет, мы уже начинали подумывать о том, чтобы начать совместную жизнь. Тем более что никаких серьезных препятствий к тому не было.

Я рассказываю все это, чтобы вам стало ясно: не существовало никаких объективных предпосылок к желанию радикально изменить мою жизнь. Я сам не могу найти никаких разумных объяснений тому, что произошло со мной. Должно быть, в какой-то момент между мной и человеком, встреча с которым вовлекла меня в бесконечную цепь событий, противоречащих не только привычному для меня образу жизни, но и всем моим представлениям о том, что следует и чего не следует делать разумному индивиду, возникла необъяснимая, мистическая связь, разорвать которую мы оба оказались не в силах. Конец всему положила лишь смерть одного из нас.

Но ведь это нельзя считать разумным объяснением?

Впрочем, вы сможете судить об этом только после того, как услышите всю историю.

Итак, в день своего тридцатипятилетия я получил подарок, о котором может только мечтать литературовед. Моя знакомая купила для меня место в туристической группе, отправляющейся на однодневную экскурсию в Лондон XVI века. Тот год, о котором идет речь, был сопряжен с 1589 годом. Следовательно, я имел реальную возможность своими глазами увидеть Уильяма Шекспира, который в то время перебрался из Стратфорда в Лондон, присоединился к театральной труппе «Комедианты Пембрука» и даже, возможно, уже пробовал себя как драматург, занимаясь переложением чужих пьес.

Конечно, я мог и сам купить для себя экскурсию в прошлое, но не делал это по одной простой причине – мне было страшно прикоснуться к объекту собственных исследований. Я ужасно хотел увидеть живых Марло, Нэша, Грина, Джонсона и, конечно же, самого Шекспира, но при этом боялся, что реальные образы окажутся несоответствующими тем представлениям, которые сложились у меня об этих людях в результате изучения их творчества. Именно поэтому я постоянно откладывал экскурсию в прошлое.

Теперь же, когда мне в руки был торжественно вручен билет с датой и временем отправления, у меня не оставалось иного выбора, как только подчиниться судьбе. Что я и сделал, следует признаться, не без радости.

Вместе с остальными членами экскурсионной группы я прослушал трехчасовую лекцию о правилах поведения во время путешествия в прошлое, после чего все мы дали подписку об ответственности за нарушение требований, с которыми нас ознакомили. На другой день каждому участнику предстоящей экскурсии была введена универсальная вакцина, которая должна была защитить нас от инфекционных болезней, свирепствовавших на территории Европы в Средние века. Еще один день ушел на то, чтобы с помощью ускоренного психотехнического курса усвоить староанглийский язык и кое-что из обычаев и манер поведения, свойственных тому времени. А в довершение всего – имплантат под кожу левого плеча был введен с персональным кодом, позволявшим оператору, наблюдающему за группой, безошибочно определить местонахождение каждого туриста. Сам же турист, в случае необходимости, мог с помощью этого устройства подать сигнал бедствия.

Последнее мне особенно не понравилось. Я не могу сказать точно, в чем тут было дело, но мне казалось, что тот мир, то время, которое я собирался покинуть, хотело поставить на мне свое клеймо, привязать меня к себе, чтобы я, не приведи господи, вдруг не исчез навсегда. Почему-то сразу пришли на память эпизоды исторических фильмов о странах с тоталитарным режимом, где каждый гражданин в той или иной форме получал свой идентификационный номер, чтобы идти с ним по жизни, словно маркированная деталь механизма, которую, в случае надобности, не составляло труда заменить на аналогичную.

Впрочем, подобные ассоциации приходили на ум только мне одному. Остальные члены группы относились ко всем предварительным процедурам как к должному и с нетерпением ждали назначенного дня, когда нам предстояло с головой окунуться в прошлое, чтобы, что называется, на собственной шкуре почувствовать, как жили наши далекие предки. Почему-то все, с кем мне предстояло провести вместе всего один день, только и говорили о том, как это удивительно, как необычно, как щекочет нервы, – как будто путешествие в прошлое в сопровождении опытных гидов и в самом деле казалось им опасным, но одновременно и захватывающим приключением.

Когда я спросил о потенциальной опасности у одного из инструкторов, занимавшихся с нашей группой, тот в ответ сначала рассмеялся, а затем ответил мне, что за двенадцать лет существования службы путешествий в прошлое не было ни одного случая, чтобы с туристом что-то случилось. Как он объяснил мне, безопасность туристов обеспечивают специально подготовленные гиды, превосходно знающие соответствующий исторический период и страну, которую предстояло посетить.

Со своими гидами мы познакомились за день до отправки. Обычно один гид берет с собой не более двух человек, поэтому нашу группу, состоявшую из десяти человек, требовалось разбить на пять пар. Для того чтобы объединить пары по интересам, инструктор предложил каждому из нас сообщить, что именно он хотел бы увидеть в Лондоне 1589 года.

Меня поразило, что ни один из членов группы даже не вспомнил, что мы отправлялись во времена Шекспира. Ни у одного из присутствующих не возникло желания посетить «Театр», «Розу» или «Куртину», где к тому времени уже давали регулярные представления лондонские театральные труппы. Мне пришлось довольствоваться компанией господина лет пятидесяти пяти, изъявившего желание посетить питейные заведения Лондона и попробовать подающееся в них пиво. Гид, вызвавшийся сопровождать нашу пару, заверил меня, что знает таверну, в которую частенько заглядывает Шекспир.

Вечером нас ожидал еще один инструктаж. Проводили его на этот раз гиды, которые должны были дать своим подопечным наставления, соответствующие выбранной ими программе. Ничего нового для себя я не услышал. По большей части это было похоже на повторение пройденного материала, протекающее в форме непринужденной беседы. Должно быть, каждому из гидов нужно было убедиться в том, что их подопечные – взрослые, вполне самостоятельные, здравомыслящие люди, умеющие контролировать свои поступки, а если потре-

буется, то и отвечать за них. Я их прекрасно понимал – нет ничего хуже, чем, оказавшись в чужой стране, в чужом времени, в иной культурной среде, среди абсолютно незнакомых людей, вдруг обнаружить, что один из тех, за жизнь кого ты отвечаешь, попросту не понимает, где он находится и что вокруг него происходит.

Глава 6

В пять утра, за час до отправки, все десять человек нашей группы собрались в большом полукруглом зале ожидания центрального здания Бюро по туризму во времени, в подвале которого был расположен стационарный темпоральный модулятор, позволяющий перебрасывать в прошлое большие группы людей. Вскоре к нам присоединилась и пятерка гидов.

Для начала у каждого из нас проверили туристические визы. Затем – тест иммунного ответа на универсальную вакцину. У одной из дам тест показал слишком слабый иммунный ответ, и ее тут же вывели из состава группы, принесся извинения и заверив, что она сможет совершить путешествие в другой раз, когда у врачей не будет сомнений по поводу того, что визит в прошлое не нанесет вреда ее здоровью. Дама была крайне возмущена, но крики ее не оказали никакого действия на подписывающих выездные документы медиков. Вызванные ими охранники, действуя вежливо, но настойчиво, помогли даме покинуть зал ожидания.

Последним этапом стала проверка эффективности работы имплантатов. С электроникой ни у кого проблем не возникло, и все оставшиеся в составе группы получили предложение пройти в следующее помещение, которое оказалось значительно меньше зала ожидания. Здесь с помощью лазерного сканирования с каждого туриста была снята мерка, после чего мы прошли в отдельные кабинки, чтобы переодеться в костюмы, соответствующие эпохе, в которую отправлялись.

Я получил одежду, которую мог носить преуспевающий торговец того времени: широкую рубашку из грубого серого полотна без ворота, со шнуровкой, стягивающей разрез на груди, темно-синий кафтан, синие обтягивающие панталоны, короткие прямые верхние штаны коричневого цвета, кожаные башмаки с ремешками, как на сандалиях, и черный берет со шнурком и узкими отогнутыми вниз полями.

Одевшись, я вышел из кабинки. Остальные члены группы, успевшие переодеться, стояли перед зеркалами, одергивая и поправляя на себе непривычную одежду. А двум дамам, которые, судя по их костюмам, собирались посетить королевский бал, помогала привести одежду в порядок женщина-гид, также облаченная в роскошный наряд.

Как ни странно, в новом, непривычном костюме я чувствовал себя так уверенно и легко, словно все время только его и носил. И даже гид, придирчиво оглядев меня со всех сторон, не сделал ни единого замечания. Зато с нашим третьим спутником ему пришлось повозиться, – помимо прочих мелких огрехов, он умудрился натянуть верхние штаны задом наперед.

К слову заметить, костюмы нашей троицы оказались наиболее скромными. Остальные, не в пример нам, были разодеты так, словно собирались на костюмированный вечер.

– Держите, – гид протянул мне и моему спутнику, успевшему переодеть штаны и как полагается пристроить на голове берет, кожаные кошельки. – У каждого из вас по пять фунтов мелкими монетами. По курсу XVI века это очень большие деньги. Так что следите, чтобы кошельки у вас не вытащили. В том времени, куда мы направляемся, в Лондоне полно ловких карманников.

Перед самым выходом на площадку темпорального модулятора мы оказались в совсем крошечной комнате, где на пару минут погрузились в плотное облако серебристого тумана, пахнущего лавандой и еще чем-то очень знакомым.

– Это репеллент пролонгированного действия, – услышал я голос гида. – Вы и представить себе не можете, сколько в XVI веке паразитов.

После обработки репеллентом, который должен был в течение суток отпугивать от наших нежных, непривычных к грязи тел блох, клопов, вшей и прочую кровососущую и переносящую заразу нечисть, мы наконец-то оказались на площадке темпорального модулятора.

Круглая площадка с темно-серым матовым покрытием была ограничена невысоким поручнем, за который нам посоветовали взяться.

– Между прочим, меня укачивает! – с тревогой сообщила одна из дам, облаченная в бальное платье из зеленого бархата.

– Ни качки, ни тряски не будет, – успокоил ее и всех остальных один из гидов. – Перемещение во времени не связано ни с какими неприятными ощущениями. Скорее всего, мы с вами вообще ничего не почувствуем.

– Для чего же держаться за поручень? – поинтересовалась все та же дама.

– На всякий случай, – ответил гид.

– Внимание! – произнес оператор, находившийся на небольшом возвышении, расположенном чуть в стороне от площадки темпорального модулятора. – Прошу всех держаться за поручни и оставаться на своих местах!

– Мы уже отправляемся?! – взволнованно воскликнула все та же дама.

Одной рукой она держалась за поручень, а другой суетно поправляла волосы, уложенные в прическу «ан бишон», прикрытую сверху крошечной четырехугольной шапочкой из розовой парчи.

– Мы уже прибыли на место, мадам, – с улыбкой, изобразив галантный полупоклон, ответил ей гид.

Глава 7

Я потому так подробно останавливаюсь на отдельных моментах подготовки нашей туристической группы к отправке в прошлое, которые вам, инспектор, скорее всего, кажутся рутинными и незаслуживающими того внимания, которое я им уделяю, что мне кажется, каким-то образом они сыграли свою роль в событиях, произошедших чуть позднее. Это было мое первое путешествие в прошлое, и я обращал особое внимание на все детали, которые опытный путешественник пропускает мимо своего сознания, поскольку считает их вполне обычными. Если вы изо дня в день поднимаетесь по одной и той же лестнице, то, скорее всего, даже не сможете дать точный ответ, если вас спросят, сколько в ней ступенек. В то время как человек, впервые ступивший на ту же самую лестницу, не только мысленно пересчитает все ее ступени, но еще и обратит внимание на незначительные детали вроде щербин или трещин на краях. Впрочем, все эти мелочи вскоре выветрятся из его памяти, если дорога станет для него привычной.

Подготовительный этап, который мне пришлось пройти, прежде чем впервые в жизни ступить на площадку темпорального модулятора, определенным образом настроил мое сознание на восприятие последующих событий. Находясь я в тот день в несколько ином расположении духа, будь мое душевное состояние немного другим, и ничего бы не произошло.

Но помимо обычного волнения, которое, наверное, испытывает каждый человек, впервые отправляющийся в прошлое, я чувствовал еще и раздражение.

Должен признаться, впервые направляясь на собрание группы, я был уверен, что посещение спектакля театральной труппы «Комедианты Пембрука», одним из актеров которой являлся Уильям Шекспир, станет основным пунктом программы визита в Лондон конца XVI века. Но нет же! Похоже было, что никто, кроме меня, даже не помнил о том, что мы отправляемся в шекспировские времена! Глядя на лица своих спутников, я задавал себе вопрос: а для кого, собственно, я написал свою книгу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.